

1. Прочитать стихи и песни о Масленице. Подчеркнуть незнакомые вам слова:

Встреча Масленицы

Здравствуй, Масленица годовая,
Наша гостыюшка дорогая!
Приезжай к нам на конях вороных,
Да на саночках скорых расписных.
Чтобы слуги в санках были молодые,
Нам подарочки везли бы дорогие:
И блины, и оладьи, и калачи,
К нам в печку да в окошко их мечи!
Душа ль ты моя, Масленица,
Перепелиные косточки,
Бумажное твое тельце,
Сахарные твои уста,
Сладкая твоя речь!
Приезжай к нам в гости на широк двор,
На горах покататься, в блинах поваляться,
Сердцем натешиться!
Выходи, люд, на великий чуд,
Встречай Масленицу, ее к нам ведут!

Лакомка

Масленица, Масленица, блинов попеканщица!
С грибами, с яйцом, с рыбкой атласной,
С икрой, с припеком, с ягодкой красной!
Пришла раненько! Встретим мы тебя хорошенько:
Матушку-зиму отпраздновать нужно,
И проводить, как положено дружно!
Сыром, маслом и блином, и румяным пирогом!
Чтобы речи были не напрасленицей,
Будет зиму провожать Масленица!

Золовкины посиделки

Мы избу беленую чисто подметем,
Ой тоску зеленую мы не пустим в дом!
Холод да метелицу прочь прогоним мы,
Встретим мы с весельцем проводы зимы!
Собрались подруженьки лета да весны,
Заварили чаю, напекли блины,
Будем зиму лютую песней провожать,
А весну горячую звать да закликать,
Будем лето красное следом поджидать!

А мы Масленицу повстречали,
Сыром гору набивали,
Маслом гору поливали,
На широк двор зазывали

Масленичные заигрыши

Колокольца тройки бьются бойко,
Рвутся звонко в небо голоса,
Мчится птицей вороная тройка —
Славной русской удали краса!
То не лес, не трава расстилается —
То народ на праздник собирается!
Стала площадь лицом рябоватая —
Русь — Земля-то людьми богатая!
И в плечах, и в руках у них силища,
Будут нынче народные игрища!
То не лес, не трава расстилается,
Праздник Масленицы начинается!

Тещины вечерки

У хорошей тещи, знамо, зять не тощий!
Его кормят пирогами и сметанкою с блинами,
Зять когда приходит в гости,
В нем позвякивают кости, а когда идет домой —
Не пройдет в проем дверной!
Съест корзинку пирогов, да с три короба блинов!
Щи, борщи и калачи — теща, все на стол мечи!

Дети, дети, выбегайте,
Весну красную встречайте,
Весну красную встречайте,
Всех блинами угощайте,
Всех блинами угощайте,
Вместе с Масленицей
На конях прокатимся,
Ой люлю, люлю, на конях прокатимся!

Ой, Масленица, протянись!
За белу березу зацепись!
Сказали: Масленице семь годков,
А нашей Масленице семь деньков.

Да блинами заедали.

Прощание с Масленицей

Масленица — блиноеда,
Масленица — жироеда,
Масленица — обируха,
Масленица — обмануха.
Обманула, провела,
До поста нас довела!
Все блины взяла!
Дала редьки хвост
На Великий пост.
Мы его поели — брюха заболели.
А мы масленицу прокатали,
А мы в глаза ее не видали,
Мы думали: масленица семь недель,
А ведь масленица семь денечков...
Масленица сподманила,
На Великий пост посадила.
Горьку редьку предложила,
А та редька горче хрену.

Как на масленой неделе
На столы блины летели!
С пылу, с жару, из печи,
Все румяны, горячи!
Масленица, угощай!
Всем блинчиков подавай!
Подходите, разбирайте,
Похвалить не забывайте!

Нам везде надо успеть —
И сплясать, и песню спеть!
Съесть корзину пирогов!
Да с три короба блинов!
Мы в избу беленую
Чисто подметем,
Ой, тоску зеленую
Мы не пустим в дом!
Холод да метелицу
Прочь прогоним мы.
Эй, встречай с весельцем
Проводы зимы!
Ой да Масленица, погости недельку,
Широкая на двор въезжает!
А мы, девушки, ее встречаем,
А мы, красные, ее встречаем!
Ой да Масленица, погости недельку,
Широкая, погости друную!

Широкая Масленица,
Мы тобою хвалимся,
На горах катаемся,
Блинами объедаемся!
Масленица, Масленица,
Блинами попеканщица,
Приходи раненько,
Встретим хорошенько —
Сыром, маслом и блином
И румяным пирогом.
Масленица — блиноеда
Накормила до обеда.
И сама — за плетень,
На весь день, на весь день.
Полизала сыр и масло,
А сама потом погасла.

Вас на Масленицу ждем!
Встретим масленным блином.
Сыром, медом, калачем,
Да, капустным пирогом!
Всех нас пост Великий ждет,
Наедайся в прок народ!
Всю неделюшку гуляй,
Все запасы подъедай.
А придет Прощеный день,
Нам поклоняться не лень,
Приходите в воскресенье —
Будем мы просить прощенье,
Чтоб с души грехи все снять,
С чистым сердцем пост встречать!
Нынче радуемся мы —
Нынче проводы зимы,
С пирогами, да блинами,
В шуме милой кутерьмы!
С горки саночки летят,
Очи девичьи горят,
Песни, пляски и гулянья
Уж который день подряд!
Это — Масленица,
Чудо — Масленица,
От души Вас поздравляем
И сердечно приглашаем:
Все заботы бросьте,
Приходите в гости,
Прямо к нашему крыльцу
К нам на Масленицу!

Дорогая наша гостья, Масленица,
Авдотья Ивановна!
Дуня белая, Дуня румяная,
Гостья важная, долгожданная,
Коса длинная, двуполтинная,
Платок беленький да с горошками,
Ноги стройные да с сапожками,
Брови черные, наведенные,
Портянки белые, набеленные.
Солнце теплое в небе дразнится,
Здравствуй, гостюшка наша Масленица!

Выезжала честная Масленица,
Широкая боярыня,
Во широкой лодочке
В город пировать.
Прощай, зима холодная,
Приходи, лето красное.

Приехала Масленица, приехала сырная...
Разгульная, а не смиренная!
Прощайся народ с тоской!
Праздник общий, мирской!
И всё-таки самый важный
Праздник семейный, домашний.
Ведётся порядком строгим давно
Не нами, а умными заведено.

Как на Масляной неделе
Мы блинчков захотели.
Ой, блины, блины, блины,
Вы блиночки мои!
Наша старшая сестрица
Печь блины-то мастерица.
Ой, блины, блины, блины,
Вы блиночки мои!
На поднос она кладёт
И сама на стол несёт.
Ой, блины, блины, блины,
Вы блиночки мои!
Гости, будьте же здоровы,
Вот блины наши готовы.
Ой, блины, блины, блины,
Вы блиночки мои!

Ах, Масленица, обманщица!
До поста довела – Сама удрала!
Масленица, воротись!
В новый год покажись!
Ты прощай, прощай, наша Масленица.
Ты прощай, прощай, наша широкая.
Ты не в среду пришла,

Ах, ты, Масленица дорогая,
К нам в гости приезжала,
Приезжала, лели, приезжала.
Да сыр с маслицем привозила,
Привозила, лели, привозила.
А мы Масленку прокатали,
Прокатали, лели, прокатали.
На вороненьком коне катались,
Мы катались, лели, мы катались.

Ой, Масленица-кривошейка,
Сострачаем тебя хорошенько!
Сыром, маслом, калачом
И печёным яйцом!

Масленицу величаем
И чего только ей не обещаем:
Реки сметаны, горы блинов,
Лишь бы скорее приехала она,
Честная, широкая, весёлая боярыня!

Широкая Масленица, чего села в сани?
Не гуляешь с нами?
Я гуляла с вами, теперь села в сани.
Пела и плясала, больно я устала.
Кончилось весельице, беритесь за дельце.
Направляйте сошенку выехать на пашенку,
А со мной проститесь, чаем угоститесь.

Обманула, провела, нагуляться не дала!
Прощай, зима холодная, приходи, лето красное!

Прощай, зима сопливая! Приходи лето красное!
Возьму соху, борону и пахать пойду!

И не в пятницу,
Ты пришла в воскресенье,
Всю неделюшку веселье.
Ты пришла с добром,
С хмельным пивом и вином,
Со блинами, пирогами
Да с оладьями.
Блины масленые,
Шаньги мазаные.
Мы катаемся с горы от зари и до зари,
А сегодня, в воскресенье,
Наше кончилось веселье.
Прощай, прощай, Наша Масленица!

2. Прочитать отрывок из произведения Ивана Шмелева “Лето Господне”:

МАСЛЕНИЦА

Я и теперь еще чувствую это слово, как чувствовал его в детстве: яркие пятна, звоны — вызывает оно во мне; пылающие печи, синеватые волны чада в довольном гуле набравшегося люда, ухабистую снежную дорогу, уже замаслившуюся на солнце, с ныряющими по ней веселыми санями, с веселыми конями в розанах, в колокольцах и бубенцах, с игривыми переборами гармонии. Или с детства осталось во мне чудесное, непохожее ни на что другое, в ярких цветах и позолоте, что весело называлось — «масленица»? Она стояла на высоком прилавке в банях. На большом круглом прянике — на блине? — от которого пахло медом — и клеем пахло! — с золочеными горками по краю, с дремучим лесом, где торчали на колышках медведи, волки и зайчики, — поднимались чудесные пышные цветы, похожие на розы, и все это блистало, обвитое золотой канителью... Чудесную эту «масленицу» устраивал старичок в Зарядье, какой-то Иван Егорыч. Умер неведомый Егорыч — и «масленицы» исчезли. Но живы они во мне. Теперь потускнели праздники, и люди как будто охладели. А тогда... все и все были со мною связаны, и я был со всеми связан, от нищего старичка на кухне, зашедшего на «убогий блин», до незнакомой тройки, умчавшейся в темноту со звоном. И Бог на небе, за звездами, с лаской глядел на всех, масленица, гуляйте! В этом широком слове и теперь еще для меня жива яркая радость, перед грустью... — перед постом?

Оттепели все чаще, снег маслится. С солнечной стороны висят стеклянную бахромою сосульки, плаваются-звякают о льдышки. Прыгаешь на одном коньке, и чувствуется, как мягко режет, словно по толстой коже. Прощай, зима! Это и по галкам видно, как они кружат «свадьбой», и цокающий их гомон куда-то манит. Болтаешь коньком на лавочке и долго следишь за черной их кашей в небе. Куда-то скрылись. И вот проступают звезды. Ветерок сыроватый, мягкий, пахнет печеным хлебом, вкусным дымком березовым, блинами. Капает в темноте, — масленица идет. Давно на окне в столовой поставлен огромный ящик: посадили лучок, «к блинам»; зеленые его перышки — большие, приятно гладить. Мальчишка от мучника кому-то провез муку. Нам уже привезли: мешок голубой крупчатки и четыре мешка «людской». Привезли и сухих дров, березовых. «Еловые стрекают, — сказал мне ездок Михаила, — «галочка» не припек. Уж и поедем мы с тобой блинков!»

Я сижу на кожаном диване в кабинете. Отец, под зеленой лампой, стучит на счетах. Василь-Василич Косой стреляет от двери глазом. Говорят о страшно интересном, как бы не срезало льдом под Симоновом барки с сеном, и о плотах-дровянках, которые пойдут с Можайска.

— А нащот масленой чего прикажете? Муки давеча привезли робятам...

— Сколько у нас харчится?

— Да... плотников сорок робят подались домой, на маслену... — поокивает Василь-Василич, — володимерцы, на кулачки биться, блины вытряхать, сами знаете наш обычай!.. — вздыхает, посмеиваясь, Косой.

— Народ попрдерживай, весна... как тараканы поразбегутся. Человек шестьдесят есть?

— Робят-то шестьдесят четыре. Севрюжины соленой надо бы...

— Возьмешь. У Жирнова как?..

— Паркетчики, народ капризный! Белужины им купили да по селедке...

— Тож и нашим. Трои блинов, с пятницы зачинать. Блинов вволю давай. Масли жирней. На припек серого снетка, ко щам головизны дашь.

— А нащот винца, как прикажете? — ласково говорит Косой, вежливо прикрывая рот.

— К блинам по шкалику.

— Будто бы и маловато-с?.. Для прощенного... проститься, как говорится.

— Знаю твое прощанье!..

— Заговеюсь, до самой Пасхи ни капли в рот.

— Два ведра — будет?

— И довольно-с! — прикинув, весело говорит Косой. — Заслужут-с, наше дело при воде, чижолое-с.

Отец отдает распоряжения. У Титова, от Москворецкого, для стола — икры свежей, троечной, и ершей к ухе. Вязиги у Колганова взять, у него же и судаков с икрой, и наваги архангельской, семивершковой. В Зарядье — сметка белозерского, мытого. У Васьки Егорова из садка стерлядок...

— Преосвященный у меня на блинах будет в пятницу! Скажешь Ваське Егорову, налимов мерных пару для навару дал чтобы, и плес сомовий. У Палтусова икры для кальи, с отонкой, пожирней, из отстоя...

— П-маю-ссс... — говорит Косой, и в горле у него хлюпает. Хлюпает и у меня, с гулянья.

— В Охотном у Трофимова — сигов пару, порозовой. Белорыбицу сам выберу, заеду. К ботвинье свежих огурцов-У Егорова в Охотном. Понял?

— П-маю-ссс... Лещика еще, может?.. Его первосвященство, сказывали?..

— Обязательно, леща! Очень преосвященный уважает. Для ливных и по расстегаям — Гараньку из Митриева трактира. Скажешь — от меня. Вина ему — ни капли, пока не справит!.. Как мастер — так пьяница!..

— Слабость... И винца-то не пьет, рябиновкой избаловался. За то из дворца и выгнали... Как ему не дашь... запасы с собой носит!

— Тебя вот никак не выгонишь, подлеца!.. Отыми, на то ты и...

— В прошлом годе отымал, а он на меня с ножо-ом!.. Да он и нетверезый не подгадит, кухарку вот побить может... выбираться уж ей придется. И с посудой озорничает, все не по нем. Печку велел переключать, такой-то царь-соломон!.. Я рад, что будет опять Гаранька и будет дым коромыслом. Плотники его свяжут к вечеру и повезут на дровнях в трактир с гармоньями.

Масленица в развале. Такое солнце, что разогрело лужи. Сарай блестят сосульками. Идут парни с веселыми связками шаров, гудят шарманки. Фабричные, внавалку, катаются на извозчиках с гармоньей. Мальчишки «в блина играют»: руки назад, блин в зубы, пытаются друг у друга зубами вырвать — не выронить, весело бьются мордами.

Просторная мастерская, откуда вынесены станки и ведерки с краской, блестит столами: столы поструганы, для блинов. Плотники, пильщики, водоливы, кровельщики, маляры, десятники, ездоки — в рубахах распояской, с намасленными головами, едят блины. Широкая печь пылает. Две стряпухи не поспевают печь. На сковородках, с тарелку, «черные» блины пекутся и гречневые, румяные, кладутся в стопки, и ловкий десятник Прошин, с серьгой в ухе, шлепает их об стол, словно дает по плечи. Слышится сочно — ляп! Всем по череду: ляп... ляп... ляп!.. Пар идет от блинов винтами. Я смотрю от двери, как складывают их в четверку, макают в горячее масло в мисках и чавкают. Пар валит изо ртов, с голов. Дымится от красных чашек со щами с головизной, от баб-стряпух, со сбившимися алыми платками, от их распаленных лиц, от масляных красных рук, по которым, сияя, бегают желтые язычки от печки. Синее чадом под потолком. Стоит благодатный гул: довольны.

— Бабочки, подпекай... с припечком — со снеточком!..

Кадушки с опарой дышат, льется-шипит по сковородкам вспухает пузырями. Пахнет опарным духом, горелым маслом ситцами от рубах, жилым. Все чаще роздыхи, передышки вздохи. Кое-кто пошабашил, селедочную головку гложет. Из медного куба — паром, до потолка.

— Ну, как, робятки?.. — кричит заглянувший Василь-Василич, — всего уели? — заглядывает в квашни. — Подпекай-подпекай, Матреш... не жалея подмазки, дадим замазки!..

Гудят, веселые.

— По шкаличку бы еще, Василь-Василич... — слышится из углов, — блинки заправить.

— Ва-ллай!.. — лихо кричит Косой. — Архирея встречаем, куда ни шло...

Гудят. Звякают зеленые четверти о шкалик. Ляпают подоспевшие блины.

— Хозяин идет!.. — кричат весело от окна.

Отец, как всегда, бегом, оглядывает бойко.

— Масленица как, ребята? Все довольны?..

— Благодарим покорно... довольны!..

— По шкалику добавить! Только смотри, подлецы... не безобразить!..

Не обижаются: знают — ласка. Отец берет ляпнувший перед ним блинище, дерет от него лоскут, макает в масло.

— Вкуснее, ребята, наших! Стряпухам — по целковому. Всем по двугривенному, на масленицу!

Так гудят, — ничего и не разобрать. В груди у меня спирает. Высокий плотник подхватывает меня, швыряет под потолок, в чад, прижимает к мокрой, горячей бороде. Суют мне блина, подсолнушков, розовый пряник в махорочных соринках, дают крашеную ложку, вытерев круто пальцем, — нашего-то отведай! Все они мне знакомы, все ласковы. Я слушаю их речи, прибаутки. Выбегаю на двор. Тает большая лужа, дрызгаются мальчишки. Вываливаются — подышать воздухом, масленичной весной. Пар от голов клубится. Потягиваются сонно, бредут в сушильню — поспать на стружке.

Поджидают карету с архиереем. Василь-Василич все бегаёт к воротам. Он без шапки. Из-под нового пиджака розовеет рубашка под жилеткой, болтаётся медная цепочка. Волосы хорошо расчесаны и блещут. Лицо багровое, глаз стреляет «двойным зарядом», Косой уж успел заправиться, но до вечера «достоит». Горкин за ним досматривает, не стегнул бы себе в конторку. На конторке висит замок. Я вижу, как Василь-Василич вдруг устремляется к конторке, но что-то ему мешает. Совесть? Архиерей приедет, а он дал слово, что «достоит». Горкин ходит за ним, как нянька:

Масленица. Кустодиев Б.М.

— Уж додержишься маненько, Василич... Опосля уж поотдохнешь.
— Д-держись!.. — лихо кричит Косой. — Я-то... дда не додержусь?..
Песком посыпано до парадного. Двери настезь.

Марьюшка ушла наверх, выселили ее из кухни. Там воцарился повар, рыжий, худой Гаранька, в огромном колпаке веером, мелькает в пару, как страх. В окно со двора мне видно, как бьет он подручных скалкой. С вечера зашумел. Выбегает на снег, размазывает на ладони тесто, проглядывает на свет зачем-то.

— Мудрователь-то мудрует! — с почтением говорит Василь-Василич. — В царских дворцах служил!..
— Скоро ли ваш архиерей наедет?.. Срок у меня доходит!.. — кричит Гаранька, снежком вытирает руки.
С крыши орут — едет!..

Карета, с выносным, мальчишкой. Келейник соскакивает с козел, откидывает дверцу. Прибывший раньше протодьякон встречает с батюшками и причтом. Ведут архиерея по песочку, на лестницу. Протодьякон ушел вперед, закрыл собою окно и потрясает ужом:

Исполла э-ти де-спо-та-аааа...

Рычанье его выкатывается в сени, гремит по стеклам, на улицу. Из кухни кричит Гаранька:

— Эй, начинаю расстегаи!..

— Зачина-ай!.. — кричит Василь-Василич умоляющим голосом и почему-то пляшет.

Стол огромный. Чего только нет на нем! Рыбы, рыбы... Икорницы в хрустале, во льду, сиги в петрушке, красная семга, лососина, белорыбица-жемчужница, с зелеными глазками огурца, глыбы паюсной, глыбы сыру, хрящ осетровый в уксусе, фарфоровые вазы со сметаной, в которой торчком ложки, розовые масленки с золотистым кипящим маслом на камфорках, графинчики, бутылки... Черные сюртуки, белые и палевые шали, «головки», кружевные наколочки...

Несут блины, под покровом.

— Ваше преосвященство!..

Архиерей сухощавый, строгий, — как говорится, постный. Кушает мало, скромно. Протодьякон — против него, громаден, страшен. Я вижу с уголка, как раскрывается его рот до зева, и наваленные блины, серые от икры текучей, льются в протодьякона стопами. Плышет к нему сиг, и отплывает с разрытым боком. Льется масло в икру, в сметану. Льется по редкой бородке протодьякона, по мягким губам, малиновым.

— Ваше преосвященство... а расстегайчика-то к ушце!..

— Ах, мы, чревоугодники... Воистину, удивительный расстегай!.. — слышится в тишине, как шелест, с померкших губ.

— Самые знаменитые, гаранькинские расстегаи, ваше преосвященство, на всю Москву-с!..

— Слышал, слышал... Наградит же Господь талантом для нашего искушения!.. Уди-ви-тельный расстегай...

— Ваше преосвященство... дозволейте просить еще?..

— Благослови, преосвященный владыко... — рычит протодьякон, отжевавшись, и откидывает ручищей копну волос.

— Ну-ну, отверзи уста, протодьякон, возблагодари... — ласково говорит преосвященный. — Вздохни немножко...

Василь-Василич чего-то машет, и вдруг садится на корточки! На лестнице запруда, в передней давка. Протодьякон в славе: голосом гасит лампы и выпирает стекла. Начинает из глубины, где сейчас у него блины, кажется мне, по голосу-ворчанью. Волосы его ходят под урчанье. Начинают дрожать лафитнички — мелким звоном. Дрожат хрустали на люстрах, дребезгом отвечают окна. Я смотрю, как на шее у протодьякона дрожит-набухает жила, как склонилась в сметане ложка... чувствую, как в груди у меня спирает и режет в ухе. Господи, упадет потолок сейчас!..

Преосвященному и всему освященному собору... и честному дому сему... —

мно-га-я... ле... т-та-а-ааааа!!!

Гукнуло-треснуло в рояле, погасла в углу перед образом лампадка!.. Падают ножи и вилки. Стукаются лафитнички. Василь-Василич взвизгивает, рыдая:

— Го-споди!..

От протодьякона жар и дым. На трех стульях раскинулся. Пьет квас. За ухом и расстегаями — опять и опять блины. Блины с припеком. За ними заливное, опять блины, уже с двойным припеком. За ними осетрина паровая, блины с подпеком. Лещ необыкновенной величины, с грибами, с кашкой... наважка семивершковая, с белозерским сметком в сухариках, политая грибной сметанкой... блины молочные, легкие, блинцы с яичками... еще разварная рыба с икрой судачьей, с поджарочкой... желе апельсиновое, пломбир миндальный — ванилевый...

Архиерей отъехал, выкушав чашку чая с апельсином — «для осадки». Отвезли протодьякона, набравшего расстегайчиков в карманы, навязали ему в кулек диковинной наваги, — «зверь-навага!». Сидят в гостинной шали и

сюртуки, вздыхают, чаек попивают с апельсинчиком. Внизу шумят. Гаранька требует еще бутылку рябиновки и уходит не хочет, разбил окошко. Требуется Василь-Василич — везти Гараньку, но Василь-Василич «отархарился, достоял», и теперь заперся в конторке. Что поделаешь — масленица! Гараньке дают бутылку и оставляют на кухне: проспится к утру. Марьюшка сидит в передней, без причала, сердитая. Обидно: праздник у всех, а она... расстегаев не может сделать! Загадили всю кухню. Старуха она почтенная. Ей накладывают блинков с икоркой, подносят лафитничек мадерцы, еще подносят. Она начинает плакать и мять платочек:

— Всякие пирожки могу, и слоеные, и заварные... и с паншетом, и кулебяки всякие, и любое защипное... А тут, на-ка-сь... незащипанный пирожок не сделать! Я ему расстегаями нос утру! У Расторгуевых жила... митрополиты ездили, кулебяки мои хвалили...

Ее уводят в залу, уговаривают спеть песенку и подносят еще лафитничек. Она довольна, что все ее очень почитают, и принимается петь про «графчика, раздумяного красавчика»:

На нем шляпа со пером,
Табакерка с табако-ом!..

И еще, как «молодцы ведут коня под уздцы... конь копытом землю бьет, бел-камушек выбьет...» — и еще удивительные песни, которых никто не знает.

Борис Кустодиев. Масленица

В субботу, после блинов, едем кататься с гор. Зоологический сад, где устроены наши горы, — они из дерева и залиты льдом, — завален глубоким снегом, дорожки в сугробах только. Видно пустые клетки с сухими деревцами; ни птиц, ни зверей не видно. Да теперь и не до зверей. Высоченные горы на прудах. Над свежими тесовыми беседками на горах пестро играют флаги. Рухаются с рычаньем высокие «дилижаны» с гор, мчатся по ледяным дорожкам, между валами снега с воткнутыми в них елками. Черно на горах народом. Василь-Василич распоряжается, хрипло кричит с верхушки; видно его высокую фигуру, в котиковой, отцовской, шапке. Степенный плотник Иван помогает Пашке-конторщику резать и выдавать билетки, на которых написано — «с обеих концов по разу». Народ длинным хвостом у кассы. Масленица погожая, сегодня немножко закрепило, а после блинов — катается.

— Милиен народу! — встречает Василь-Василич. — За тыщу выручки, кательщики не успевают, сбились... какой черед!..

— Из кассы чтобы не воровали, — говорит отец и безнадежно машет. — Кто вас тут усчитает!..

— Ни Бо-же мой!.. — вскрикивает Василь-Василич, — кажные пять минут деньги отымаю, в мешок ссыпаю, да с народом не сообразишься, швыряют пятаки, без билетов лезут... Эна, купец швырнул! Терпения не хватает ждать... Да Пашка совестливый... ну, трешница проскочит, больше-то не уворует, будь-покойны-с.

По накатанному лотку втаскивают веревками вернувшиеся с другой горы высокие сани с бархатными скамейками, — «дилижаны», — на шестерых. Сбившиеся с ног катальщики, статные молодцы, ведущие «дилижаны» с гор, стоя на коньках сзади, весело в меру пьяны. Работа строгая, не моргни: крепко держись за поручни, крепче веди на скате, «на корыте».

— Не изувечили никого, Бог миловал? — спрашивает отец высокого катальщика Сергея, моего любимца.

— Упаси Бог, пьяных не допускаем-с. Да теперь-то покуда мало, еще не разогрелись. С огнями вот покатым, ну, тогда осмелеют, станут шибко одолевать... в шею даем!

И как только не рухнут горы! Верхушки битком набиты, скрипят подпоры. Но стройка крепкая: владимирцы строили-на совесть.

Сергей скатывает нас на «дилижане». Дух захватывает, и падает сердце на раскате. Мелькают елки, стеклянные разноцветные шары, повешенные на проволоках, белые ленты снега. Катальщик тормозит коньками, режет-скрежещет льдом. Василь-Василич уж разогрелся, пахнет от него пробками и мятой. Отец идет считать выручку, а Василь-Василичу говорит — «поручи надежному покатать!». Василь-Василич хватает меня, как узелок, под мышку и шепчет: «надежней меня тут нету». Берет низкие саночки — «американки», обитые зеленым бархатом с бахромой, и приглашает меня — скатиться.

- Со мной не бойся, купцов катаю! — говорит он, сажаясь верхом на саночки. Я приваливаюсь к нему, под бороду, в страхе гляжу вперед... Далеко внизу ледяная дорожка в елках, гора, с черным пятном народа, и вьются флаги. Василь-Василич крикает, трогает меня за нос варежкой, засматривает косящим глазом. Я по мутному глазу знаю, что он «готов». Катальщики мешают, не дают скатывать, говорят — «убить можешь!». Но он толкает ногой, санки клюют с помоста, и мы летим... ахаемся в корыто спуска и выносимся лихо на прямую.

— Во-как мы-та-а-а!.. — вскрикивает Василь-Василич, — со мной нипочем не опрокинешься!.. — прихватывает меня любовно, и мы врзаемся в снежный вал.

Летит снеговая пыль, падает на нас елка, саночки вверх полозьями, я в сугробе: Василь-Василич мотает валенками в снегу, под елкой.

— Не зашибся?.. Господь сохранил... Маленько не потрафили, ничего! — говорит он тревожным голосом. — Не сказывай папаше только... я тебя скачу лучше на наших саночках, те верней.

К нам подбегают катальщики, а мы смеемся.

Катают меня на «наших», еще на каких-то «растопырях». Катальщики веселые, хотят показать себя. Скатываются на коньках с горы, руки за спину, падают головами вниз. Сергей скатывается задом. Скатываются вприсядку, вприсядку задом. Кричат — ура! Сергей хлопает себя шапкой:

— Разуважу для масленой... гляди, на одной ноге!..

Рухается так страшно, что я не могу смотреть. Эн уж он где, катит, откинув ногу. Кричат — ура-а-а!.. Купец в лисьей шубе покатился, безо всего, на скате мешком тряхнулся — и прямо головой в снег.

— Извольте, на метле! — кричит какой-то отчаянный, крепко пьяный. Падает на горе, летит через голову метла.

Зажигают иллюминацию. Рычат гулкие горы пустотой. Катят с бенгальскими огнями, в искрах. Гудят в бубны, пищат гармошки, — пьяные навалились на горы, орут: «пропадай Таганка-а-а!..» Катальщики разгорячились, пьют прямо из бутылок, кричат — «в самый-то раз теперь, с любой колокольни скатим!». Хватает меня Сергей:

— Уважу тебя, на коньках скачу! Только, смотри, не дергайся!..

Тащит меня на край.

— Не дури, убьешь!.. — слышу я чей-то окрик и страшно лечу во тьму.

Рычит под мной гора, с визгом ворчит на скате, и вот огоньки на елках!..

— Молодча-га ты, ей-Богу!.. — в ухо шипит Сергей, и мы падаем в рыхлый снег, — насыпало полон ворот.

— Папаше, смотри, не сказывай! — грозит мне Сергей и колет усами щечку. Пахнет от него винцом, морозом.

— Не замерз, гулена? — спрашивает отец. — Ну, давай я тебя скачу.

Масленица. Кустодиев Б.М.

Масленица. Кустодиев Б.М.

Нам подают «американки», он откидывается со мной назад, — и мы мчимся, летим, как ветер. Катят с бенгальскими огнями, горят разноцветные шары, — и под нами, во льду, огни...

Масленица кончается: сегодня последний день, «прощеное воскресенье». Снег на дворе размаслился. Приносят «масленицу» из бань — в подарок. Такая радость! На большом круглом прянике стоят ледяные горы из золотой бумаги и бумажные вырезные елочки; в елках, стойком на колышках, — вылепленные из теста и выкрашенные сажей, медведики и волки, а над горами и елками — пышные розы на лучинках, синие, желтые, пунцовые... — всех цветов. И над всей этой «масленицей» подрагивают в блеске тонкие золотые паутинки канители. Банщики носят «масленицу» по всем «гостям», которых они мыли, и потом уж приносят к нам. Им подносят винца и угощают блинами в кухне.

И другие блины сегодня, называют — «убогие». Приходят нищие — старички, старушки. Кто им спечет блинков! Им дают по большому масленому блину — «на помин души». Они прячут блины за пазуху и идут по другим домам.

Я люблюсь-любуюсь «масленицей», боюсь дотронуться, — так хороша она. Вся — живая! И елки, и медведики, и горы... и золотая над всем игра. Смотрю и думаю: масленица живая... и цветы, и пряник — живое все. Чудится что-то в этом, но — что? Не могу сказать.

Уже много спустя, вспоминая чудесную «масленицу», я с удивленьем думал о неизвестном Егорыче. Умер Егорыч — и «масленицы» исчезли: нигде их потом не видел. Почему он такое делал? Никто мне не мог сказать. Что-то мелькало мне?.. Пряник... — да не земля ли это, с лесами и горами, со зверями? А чудесные пышные цветы — радость весны идущей? А дрожащая золотая паутинка — солнечные лучи, весенние?.. Умер неведомый Егорыч — и «масленицы», ж и в ы е, кончились. Никто без него не сделает.

Звонят к вечерням. Заходит Горкин — «масленицу» посмотреть. Хвалит Егорыча:

— Хороший старичок, бедный совсем, поделочками кормится. То мельнички из бумажек вертит, а как к масленой подошло — «масленицы» свои готовит, в бани, на всю Москву. Три рубля ему за каждую платят... сам выдумал такое, и всем приятность. А сказки какие сказывает, песенки какие знает!.. Ходили к нему из бань за «масленицами», а он, говорят, уж и не встает, ослабел... и в холоду лежит. Может, эта последняя, помрет скоро. Ну, я к вечерне пошел, завтра «стояния» начнутся. Ну, давай друг у дружки прощенья просить, нонче прощенный день.

Он кланяется мне в ноги и говорит — «прости меня, милоч, Христа ради». Я знаю, что надо делать, хоть и стыдно очень: падаю ему в ноги, говорю — «Бог простит, прости и меня, грешного», и мы стучаемся головами и смеемся.

— Заговены нонче, а завтра строгие дни начнутся, Великий Пост. Ты уж «масленицу»-то похерь до ночи, завтра-то глядеть грех. Погляди-полюбуйся — и разбирай... пряничка поешь, заговеться кому отдай.

Приходит вечер. Я вытаскиваю из пряника медведиков и волков... разламываю золотые горы, не застряло ли пяточка, выдергиваю все елочки, снимаю розы, срываю золотые нитки. Остается пустынный пряник. Он необыкновенно вкусный. Стоял он неделю в банях, у «сборки», где собирают выручку, сыпали в «горки» денежки — на масленицу на чай, таскали его по городу... Но он необыкновенно вкусный: должно быть, с медом.

Поздний вечер. Заговелись перед Постом. Завтра будет печальный звон. Завтра — «Господи и Владыко живота моего...» — будет. Сегодня «прощенный день», и будем просить прощенья: сперва у родных, потом у прислуг, у дворника, у всех. Вассу кривую встретишь, которая живет в «темненькой», и у той надо просить прощенья. Идти к Гришке и поклониться в ноги? Недавно я расколлот лопату, и он сердился. А вдруг он возьмет и скажет — «не прощаю!»?

Падаем друг дружке в ноги. Немножко смешно и стыдно, но после делается легко, будто грехи очистились.

Мы сидим в столовой и после ужина доедаем орешки и пастилу, чтобы уже ничего не осталось на Чистый Понедельник. Стучает дверь из кухни, кто-то лезет по лестнице, тычется головою в дверь. Это Василь-Василич, взъерошенный, с напухшими глазами, в расстегнутой жилетке, в розовой под ней рубашке. Он громко падает на колени и стучается лбом в пол.

— Простите, Христа ради... для праздничка... — возит он языком и бухается опять. — Справили маслену... нагршили... завтра в пять часов... как стеклышко... будь-п-койны-с!..

— Ступай, проспись. Бог простит!.. — говорит отец. — И нас прости, и ступай.

— И про... щаю!.. всех прощаю, как Господь... Исус Христос... велено прощать!.. — он присаживается на пятки и щупает на себе жилетку. — По-бо-жьи... все должны прощать... И все деньги ваши... до копейки!.. вся выручка, записано у меня... до гро-шика... простите, Христа ради!..

Его поднимают и спроваживают в кухню. Нельзя сердиться — прощенный день.

Помолившись Богу, я подлезаю под ситцевую занавеску у окошка и открываю форточку. Слушаю, как тихо. Черная ночь, глухая. Потягивает сыро ветром. Слышно, как капают, булькают скучно-скучно. Бубенцы, как будто?.. Прорывается где-то вскрик, неясно. И опять тишина, глухая. Вот она, тишина Поста. Печальные дни его наступают в молчаньи, под унылое бульканье капели.

Декабрь 1927 — декабрь 1931 гг.

Иван Шмелев

Лето Господне